

Гордость МАТЕРИ

Прославим женщину-мать —
неиссякаемый источник
всепобеждающей жизни.

М. ГОРЬКИЙ.

В час открытия памятника Геннадию Голеневу у железной ограды стояла женщина в тёплой, заснеженной шали. Она была строго задумчива и глядела на могилу юного героя с особенной скорбью. Порою под её тёмными ресницами выступали крупные слёзы, и когда она стряхивала их на снег, на её лице, помимо скорби, можно было прочесть суровую материнскую гордость.

Не за почести, воздаваемые ее сыну, была горда в такие минуты Милица Ивановна. Ей, любящей матери, было радостно вспоминать, что это она вскормила и

взрастила храброго юношу, что это она одарила его такой беззаветной преданностью и любовью к своей отчизне. Те грозные и страшные дни никогда не забудутся. На сумрачных улицах родного города то и дело стучали кованые сапоги фашистских солдат. Из разбитых прикладами дверей и окон ежечасно раздавались отчаянные крики детей и женщин. В темных проломах зданий хлопала выстрелы — там умирали непокоренные русские люди. Почти до рассвета никто не ложился спать. В обнимку с детьми все тихо сидели в своих холодных и темных квартирах, с молчаливой тревогой ожидая расправы. Склонившись на грудь родной матери, Геннадий сжимал кулаки и приглушенно говорил:

— Мама, ну пусти. Я вернусь через час, я больше не могу сидеть дома.

Мать хорошо знала, что происходит в душе сына. Он весь пылал гневной ненавистью к врагам. Ему хотелось на улицу для того, чтобы мстить. Для этого у него было приготовлено всё: бутылки с горючей жидкостью, гранаты, взрывчатка. Трусом он не был; был смелым и ловким подростком, и свое намерение готов был осуществить в любую минуту.

Но как решиться матери пустить на это опасное дело шестнадцатилетнего сына? Ведь немцы всюду, на каждом шагу. Малейшая неосторожность — и они разобьют ему череп о мостовую. Неважно, что и ей свяжут руки, но как пережить смерть родимой кровинки...

И всё же удерживать дома она его больше не могла. В ее груди также горели гнев и ненависть. Врагу надо было мстить, мстить сейчас же, без выжиданий. Родина вся в крови — и эта кровь давно звала патриотов к великой мести.

Чувство любви к отчизне победило тревогу за сына, и мать сказала, положив ему свою холодную руку на плечо:

- Да, ты прав, Геня, надо идти. Будь беспощадным — я благословляю тебя.

Милица Ивановна торопливо приподняла одеяло над кроватью, достала из подушек гранаты и огненные бутылки и передала их в руки сына... Потом она проводила его за

порог, долго слушала сквозь неприкрытую дверь, как замирают вдали его шаги и, плотнее закутавшись в шаль, тихо подошла к окну, чтобы своими глазами увидеть вдруг заплывшие в грохоте взрывов фашистские гнезда.

Этот час ей запомнился на всю жизнь. Окно дышало темным холодом, за стеклами таилась непроглядная тьма. Где-то в переулке со страшным надрывом кричала женщина, за стеной плакал голодный ребенок. Тусклым глазом шаря во мраке дорогу, по улице с воем проехала большая черная машина — машина смерти: газваген. Раздался выстрел, новый крик и снова выстрел.

И вдруг Милица Ивановна увидела над темными крышами города огромный сполох огня, и над домом, где находился фашистский штаб, за клубился густой черный дым. На улицах что-то загремело и застучало во внезапной тревоге и панике.

Гордость за смелый подвиг сына охватила Милицу Ивановну. Первый раз за все долгие дни фашистской неволи она почувствовала в своей груди счастье. Возмездие началось — и этому возмездию положила начало она сама, простая русская женщина.

Но шли часы, а Геннадий не возвращался. Милица Ивановна прислушивалась к каждому звуку, к каждому шороху в коридоре. Несколько раз она выходила во двор, на улицу, но сына не было. Настал рассвет, а она по-прежнему оставалась одна

в своей нетопленной квартире.

Утром прибежала соседка и взволнованно велела Милице Ивановне немедленно скрыться. Ее будут искать и, наверное, уже ищут, а если найдут, то и её постигнет та же горькая участь, что и ее сына...

Но Милица Ивановна никуда не скрылась. Под матрацем еще лежали гранаты — и это оружие мести не должно было лежать мертвым. Если сын не успел их бросить в ненавистного врага, она сама их бросит, своими руками.

А руки эти не будут связаны. Милица Ивановна воспитала в сыне железную волю и была твердо уверена, что Геннадий не сказал фашистам ни единого слова...

Вот тогда и зародилась у матери эта суровая гордость. Она не погасла в ее глазах даже тогда, когда стояла над изуродованным страшной пыткой трупом Геннадия. Сын умер, как умирают только герои, навек затаив от врага свое имя и имя той, что благословила его на этот бессмертный подвиг.

На другой день в Ставрополь ворвались одетые в теплые полушубки советские воины. Оккупанты бежали, не успев замести следы своих преступлений.

Замученный юный герой был похоронен с воинскими почестями. Верные Родине, люди долго стояли над его запорошенной снегом могилой и, обнажив головы, клялись отомстить. Среди них стояла и Милица Ивановна, гордая от сознания с честью выполненного материнского долга.

К. ВОЛЬНЫЙ